Убить в себе зверя

Автор:
Вера Чиркова

Убить в себе зверя

Вера Андреевна Чиркова

Иван Савин

Особый агент #1

Два авантюриста, каких немало бродит по разрешённым к поселению вновь открытым планетам, на маленьком вертолёте отправляются на поиск знаменитых самоцветов, и после аварии попадают к странным аборигенам, таинственным образом связанным с неизвестной цивилизацией. Выяснив, что безрадостную жизнь в диком племени можно изменить лишь побегом, друзья решаются на похищение самого ценного, что есть у аборигенов из имущества. Чем закончится их путешествие по полной опасностей пустыне? И откуда у друзей порой проявляются умения, которых никогда не изучал ни один из них?

Вера Чиркова, Иван Савин

Убить в себе зверя

Проклятье, куда нас несёт? – рычал я с досадой, пытаясь удержать рули легкого, допотопно неуклюжего вертолёта.

Однако огромное, бешено вращающееся веретено смерча, от которого мы безуспешно пытались удрать последние десять минут, неуклонно настигало, постепенно загоняя в непроходимо узкое, глубокое скалистое ущелье, ведущее в сторону Великой пустыни.

Смерч мчался на нас, словно живой, не позволяя свернуть в сторону, и хотя разумом я понимал, что это всего лишь влияние господствующих в высоких непроходимых горах вечных сквозняков, все равно не мог отделаться от подспудного ощущения присутствия чужой злой воли.

– Штурвал! Штурвал держи! Арт! Да выравнивай же! – В очередной раз истошно заорал напарник, когда вертолёт вдруг резко наклонился сначала в одну, а потом в другую сторону.

Да заткнись, ты, наконец! Неужели я без тебя не знаю, что делать?! – хотелось рявкнуть в ответ, но крикнул я совсем другое:

– Кен! Взгляни быстрей, что это там стучит?

– Дверь вырвало, – обрадовал он меня через несколько неимоверно долгих мгновений.

Только этого и не хватало, зло ругнулся я сквозь зубы. Там же сложены все наши припасы, инструменты и немудрёное оружие. Наверняка в этой кутерьме мы потеряли большую часть багажа, если не весь.

– Кен! А что с припасами?! – не выдержав, снова окрикнул я напарника.

Однако проверить контейнеры Кен не успел. Да он и вообще больше ничего не сумел сделать.

Как, впрочем, и я сам.

Небо внезапно оказалось внизу, а горы над головой, затем снова небо над головой, и снова внизу. А потом все завертелось с сумасшедшей скоростью в бессмысленном танце гигантского смерча. И это могло означать лишь одно, проклятый ураган догнал-таки нас, захватил и тащит с собою через перевал.

Голова закружилась и на какое-то время я потерял всякую способность рассуждать и следить за приборами. И лишь когда безумная пляска внезапно оборвалась, сменившись сначала диким грохотом и треском ломающегося вертолёта а после шорохом осыпающегося песка, пришёл, наконец в себя.

Открыв глаза, я некоторое время не мог сфокусировать зрение, в голове все плыло и кружилось, во рту было горько, а на зубах скрипел смешанный с пылью песок. Или стекло?

Несколькими секундами позже, припомнив бешеную центрифугу, в которой нас прокатило, и сообразив, чем всё закончилось, я принялся выковыриваться из-под обломков с лихорадочной резвостью, попутно проверяя на целостность руки и ноги. Как ни странно, всё оказалось на месте, хотя до последнего мгновенья я не верил в такое небывалое везение.

А поверив, не сумел сдержать облегчённый вздох, хотя особенно и не обольщался. Иногда вгорячах люди не чувствуют даже смертельных травм, и теперь вся надежда только на инфо, портативный коммуникатор, специально для вылазок на отстающие планеты стилизованный под местный примитивный прибор. Хотя здесь, в глуши, на материке, не охваченном спутниковой связью, и он не гарантирует полной безопасности.

Черт, а где же Кен?! – вспыхнула вдруг в мозгу виноватая мысль, и я поспешил его окликнуть.

Но лишь попытавшись произнести хоть одно слово, сполна осознал, как сильно пересохло у меня во рту, а язык почему-то стал похож на наждачную бумагу. Пару секунд я отплёвывался и искал фляжку с водой, пока вдруг не расслышал тихий стон.

Он раздался прямо подо мной, и я сразу напрочь забыл про собственные проблемы.

Немедленно сдвинувшись чуть в сторону, ровно настолько, сколько позволили искорёженные стенки бывшей кабины бывшего вертолёта, я принялся торопливо разгребать куски обшивки и стекла, попутно истово благодаря великий космос за то, что теперь при изготовлении своих допотопных машин туземцы свято следуют правилам, подсказанным нашими специалистами.

Лишь благодаря этому я не изрезан обломками, а кабина не залита ручьями крови.

Очень скоро под завалом обнаружилось кресло Кена, намертво заклиненное сплющенной кабиной. И сам свободный старатель, пристёгнутый к этому креслу спасательными ремнями и подушкой безопасности и лишь благодаря этому целый и на первый взгляд – почти невредимый. Точнее пока определить было невозможно, ни отстегнуть Кена, ни выдрать голыми руками ремни у меня не получилось.

– Оставь меня, уходи, сейчас взорвётся! – не открывая глаз, простонал Кен, почувствовав мои далеко не деликатные рывки.

– Сейчас, только шнурки поглажу, – сквозь зубы рыкнул я, отстёгивая с пояса плазменный резак.

Я провёз его сюда контрабандой, на планеты такого типа строго воспрещён ввоз любого оборудования, каковое можно использовать вместо оружия. Однако местная, совершенно не воинственная цивилизация ничего мощнее арбалетов пока не изобрела, хотя в технологическом плане некоторые страны продвинулись достаточно далеко.

По местным меркам.

А в горах, где приходится работать нам с Кеном, встречаются довольно агрессивные представители местной фауны, и потому я не расстаюсь с любимым инструментом даже ночью.

Через несколько минут бешеной работы напарник был, наконец, вызволен из западни, и мы, не мешкая, ползком выбрались наружу, опасаясь взрыва моторов бывшего средства передвижения.

Однако, как вскоре оказалось, развалившийся вертолёт, полузасыпанный песком и мусором, который смерч притащил с побережья, взрываться вовсе не собирался. Да он даже гореть не начал, но особой радости нам это не доставило. Хвостовой части, где находилось топливо и была сложена основная часть инструментов и припасов, поблизости не оказалось, очевидно смерч утащил ее дальше. А может и потерял где-то по пути от побережья, никакой разницы для нас это не имело.

Да и где осталось само побережье, сказать было трудно, точнее, практически невозможно. Солнце, еще тусклое от не осевшей пыли, стояло прямо над головой, и во все стороны вокруг нас, сколько можно было разглядеть, виднелся только песок, песок и песок.

* * *

Песок был везде. В волосах, в одежде, в обуви. А также в ушах и носу. Даже в последних глотках воды, выпитых из фляжки, тоже почему-то скрипели вездесущие песчинки. Вначале мы рьяно боролись с ним, на каждом привале тщательно вытрясая одежду и обувь. Но уже на второй день позорно сдались. Легкий суховей, вздымавший с верхушек барханов песчаные фонтанчики, исправно заправлял только что вытрясенную одежду новыми порциями тонкого, как тальк песка. К тому же, как вскоре выяснилось, главной нашей проблемой был вовсе не песок.

Здесь почему-то отказалась работать система навигации, и забастовали даже простейшие компасы, встроенные в наши инфо. Стрелка на лицевой стороне коммуникатора, кажущегося местным жителям простыми часами, обязанная показывать магнитный полюс, в течение дня не раз и не два вдруг меняла свои показания, словно была пойманным с поличным пиратом.

– Это залежи магнитных руд, – с умным видом изрек Кен, впервые увидав, как стрелка плавно разворачивается в направлении, совершенно противоположном тому, какое показывала несколько минут назад.

Мне было глубоко плевать, чего такого тут залежи, в этот момент я впервые почувствовал, как холодок безысходности ощутимо скользнул по потной спине.

Это ощущение повторилось на следующий же день, в тот самый миг, когда мы увидали на верхушке соседнего бархана рыжего крокодила. Кен, доказывавший мне в это время, что мы идем в правильном направлении, охнул и озадаченно сунул пятерню в пыльные лохмы. Всем на побережье было доподлинно известно, что песчаные вараны остались только в глубине пустыни. И вовсе не оттого, что им не подходил климат гор, отделяющих пустыню от побережья, а по более простой и жестокой причине. Красивая и крепкая кожа этих ловких хищников все время росла в цене.

– Сколько стоит сейчас в Гредале шкура варана? – шаря по карманам в поисках болтов, прошептал Кен.

– Ты с ума сошёл? Мы не знаем, сколько нам ещё идти, а ты собираешься ещё и шкуру тащить?! – возмутился я.

Однако, взглянув в горящие охотничьим азартом глаза Кена, ясно понял, собирается. И остановить его сможет только что-нибудь значительно повесомее голоса разума. А этим чем-нибудь в данном случае мог быть только я. Но мне, как назло, в этот момент не пришло в голову ничего умнее, кроме как зачерпнуть горсть песка и швырнуть в сторону варана.

– Кыш!

Ящер мгновенно развернул в сторону нашего бархана крокодилью голову, и мне показалось, будто в его маленьких глазках что-то мелькнуло. Вроде искорки интереса. А в следующий момент он уже быстро скользил к нам по песку.

– Ну и зачем ты это сделал?! – взвыл Кен, опуская от досады взведённый арбалет.

И тут же поднял его вновь, обнаружив варана в десятке метров от себя. Болт свистнул и вскользь царапнул варана вдоль спины. Однако животное не обратило на прыснувшую яркой кровью царапину никакого внимания, неумолимо продолжая приближаться к геологу.

Я сорвал с плеча свой арбалет, и, не целясь, выстрелил в хищника. Болт смачно врезался варану в бок, и на песок хлынул кровавый фонтанчик. Варан мгновенно развернулся в мою сторону и прибавил ходу. Мгновенно сообразив, что не успеваю выдернуть из-за пояса и включить свой резак, я моментально сгруппировался и в кувырке ушел в сторону. И сразу же вскочил на ноги, торопясь достать оружие.

– Вот тебе, гад! – азартно орал Кен, выпуская вдогонку хищнику болт за болтом.

И надо сказать, довольно удачно, в результате этой атаки драгоценная кожа украсилась еще парой кровавых дыр. Вот только варан этого как будто и не

заметил. Он разинул огромную пасть и стремительно бросился на меня.

Я успел лишь выставить руку с контрабандным инструментом перед собой и нажать кнопку. На резак варан налетел сам. Плазменное лезвие с противным шипением проехало прямо по верхней челюсти хищника, заставив того в недоумении мотнуть тяжелой головой. От этого толчка я едва устоял на ногах, чудом удержав в руках свое оружие.

А варан, обезумев от жуткой боли, вновь прыгнул на меня, мотая наполовину отрубленной челюстью. И вновь зашипела, запекаясь от жара инструмента, кровь животного. На этот раз мне повезло меньше, острые резцы нижней челюсти успели полоснуть по правому колену. В штанине мгновенно образовалось несколько аккуратно прорезанных прорех, окрасившихся моей кровью. Её запах замутил и без того убогое сознание твари, она стремительно рванулась ко мне, торопясь отведать так заманчиво пахнущее блюдо.

Однако теперь озверел и я. От резкой боли и от досады на собственную неловкость во мне словно проснулись неведомые дотоле способности. Как-то очень ловко выставив в сторону варана резак, я мгновенно провел им уверенный выпад в сторону песчаного крокодила, и голова хищника наконец-то рухнула на песок.

Отскочив в сторону, подальше от хлынувшей потоком темной крови, я поспешил оглянуться на Кена, и разочарованно присвистнул. Друг вовсе не собирался в восхищении моим подвигом хлопать ни ресницами, ни ладошками. Вместо этого, повернувшись ко мне спиной, он яростно пускал куда-то в соседний бархан один болт за другим.

– Кен, помочь?! – сообразив, почему мне не досталось ни почестей, ни славы, заорал я, и попытался взобраться по осыпающемуся склону поближе к другу.

Он прорычал что-то нечленораздельное, затем вдруг резко взмахнул руками и кубарем покатился по склону прямо на меня. Увернуться от летящего на меня по осыпающемуся песку клубка я успел лишь в самый последний момент, но вот устоять все же не сумел и покатился следом, пытаясь покрепче сжимать рот, чтобы снова не наглотаться песка.

Однако, очутившись у подножия бархана, я не бросился поднимать Кена, а первым делом проворно вскочил на ноги и резко обернулся назад. Чтобы на миг замереть от неожиданного зрелища. На вершине бархана, на том самом месте, где мы стояли еще несколько секунд назад, два разъяренных варана неистово рвали бока третьему. Однако раненный Кеном огромный рыжий крокодил, вместо того, чтобы убегать от острых клыков сородичей, сам норовил вцепиться в них. Он крутился с неожиданной для его размеров стремительностью, однако силы явно были неравны. Внезапно один из нападавших выхватил из рваной раны увесистый шмат мяса и за его зубами потянулись кровавые плети кишок.

Меня замутило от этого зрелища и я поспешно отвернулся. Как раз вовремя, чтобы разглядеть как напарник, достав из-за пояса нож, кромсает убитого мной варана, скатившегося вниз вместе с нами.

– Эй, Кен! – возмущенно рявкнул я на друга, – а с какой стати торговцы в Гредале будут покупать у нас дырявую кожу?!

– А с какого перепугу ты решил, что я собираюсь ее продавать? – не переставая орудовать ножом, язвительно проворчал он.

Ну вот, теперь уж я и вовсе ничего не понимал. Кен у нас парень сообразительный, и никогда не упустит возможности напомнить, как поделены в нашем тандеме обязанности. Его дело придумывать планы, а мое – таскать тяжести. Однако обычно я и сам понимаю мотивы его поступков. Но вот сейчас, глядя, как на песок падают отхваченные от окровавленной туши куски мяса, даже приблизительно не мог догадаться, зачем это понадобилось Кену.

– Чего глядишь, помог бы лучше! – сдался, наконец, он, тщетно пытаясь отпилить ножом корявую лапу гигантского пресмыкающегося.

Да легко, пожал плечами я, только зачем?

Однако ответа на свой безмолвный вопрос так и не дождался, и со вздохом приступил к делу. Через несколько минут варан был распилен на сочащиеся кровью куски, и Кен принялся деловито разбрасывать их вокруг себя по какому-то странному, известному только ему одному, принципу.

– Отходим! – оглянувшись назад, наконец скомандовал он и мы поспешно покинули место схватки.

Как оказалось, очень своевременно. Парочка мерзких тварей, дожрав раненного собрата, вспомнила, что тут был кто-то еще и ринулась в нашу сторону. И, разумеется, наткнулась на останки убитого мной варана. Гады немедленно вцепились оба разом в ближайший кусок и нервно завозились, пытаясь единолично сожрать добычу. И только глядя на их злобное противоборство, я понял замысел Кена. Пока вараны воюют так за каждый кусок, мы, возможно, успеем уйти на недосягаемое расстояние. Обернувшись к другу, похвалить за удачную идею, я с огорчением обнаружил, что он уже почти скрылся за верхушкой соседнего бархана.

Черт, а что же я-то тогда здесь стою?!

Пустыня на поверку, оказалась самым гадостным из всех мест, когда-либо виденных мною. Мало того, что здесь начисто отсутствовало все то, что обязательно имелось в любой другой местности, например, вода, растения, и естественные укрытия, так еще и присутствовали крайне неудобные эффекты. Если днем мы едва тащились по вязкому песку, обливаясь потом от нестерпимой жары, то ночью, тесно прижимаясь друг к дружке в наспех выкопанной ямке, никак не могли согреться.

Мы уже потеряли счет дням, проведенным в этом аду, и потеряли надежду на возвращение домой. И все же вставали каждое утро с холодного песка и упрямо плелись куда-то, боясь признаться даже самим себе, что если утром вдали мелькнут на горизонте верхушки Охранных гор, то у нас все равно не будет ни единого шанса до них добрести.

И пища и вода уже закончились, и даже кусок варана, который втайне от меня прихватил с места стычки Кен, подходил к концу. Хотя есть подсоленные и провяленные на солнце ломтики было невыносимо противно, мы честно жевали их, надеясь, что этим даем своим организмам необходимое питание.

Но сегодня на заре, подняв с песка тупо гудящую голову, я твердо решил, что ни за какие блага не стану больше давиться этим отвратительным продуктом.

И вообще, никуда отсюда не пойду. Мне неплохо и в этой песчаной ямке, накрою голову рубашкой и буду отдыхать. Смотреть на небо, любоваться рассветами и закатами, звездами и редкими облачками.

Наслаждаться всеми этими чудесными вещами и радоваться жизни.

Ровно столько, сколько пожелаю.

И на сколько хватит сил.

– Арт, поверни голову влево, – тихий шепот Кена разрушил мои мечты.

Ну повернул, и что?! Ох, великий космос! Вот только этих и не хватало!

Два рыжих чудовища, приподнявшись на коротких, кривых ножках, медленно поворачивали крокодильи головы, внимательно рассматривая близлежащую пустыню. И принесло же их в тот самый момент, когда я наконец-то решил от всего отдохнуть, отринув все насущное, все мелкое и суетное.

– Доставай резак, – командовал тем временем шепотом Кен, – попробую ранить переднего!

Откатившись от друга, я трясущимися от слабости руками достал из чехла резак и начал осторожно приподниматься с песка. Хорошо, что мы устроились на ночь в ложбинке между барханами и здесь еще лежит густая тень. Вараны, стоящие на самой верхней точке освещенного утренним солнцем песчаного гребня не сразу рассмотрели нашу возню, а когда один из них, насторожившись, уставился в нашу сторону, было уже поздно.

Свистнул пущенный Кеном болт и грудь бдительного чудовища залило кровью. Второй нетерпеливо мотнул головой на вкусный запах и без предупреждения вцепился в своего приятеля. Я тоже пустил в гадов пару болтов, но они, по принципу подлости, ушли за молоком. А третий вообще не долетел даже до вершины бархана.

– Перестань разбрасываться болтами, у тебя что, неиссякаемый запас?! – свирепо шипел Кен.

Неиссякаемого запаса у меня не было, вернее, у меня вообще не осталось никакого запаса, выяснил я, нашаривая на дне кармана последний болт. А Кен тем временем удачно вбил в песчаных крокодилов еще два болта и ослепленные кровожадной злостью твари кубарем покатились в нашу сторону, намертво вцепившись страшными челюстями друг в друга. Включив резак, я поустойчивее стал на дрожащие от слабости ноги, готовясь принять бой.

Но тут тот из крокодилов, что меньше пострадал от выстрелов Кена, резким движением мощных челюстей подбросил в воздух собрата. Раздался противный хруст и рыжее тело, сотрясаясь и скребя лапами песок, растянулось у моих ног. Несколько булькающих и всхлипывающих вздохов, и на глаза варана начала наплывать полупрозрачная пленка.

А победитель, не обращая больше внимания на издыхающего родственника, прямиком попер на меня. Видимо, сообразил своими скудными мозгами, что два тела на обед значительно лучше, чем одно. Я выставил в его сторону включенный резак и поглубже вдохнул. И в этот момент болт Кена шмякнул варана в затылок. Варан притормозил и недоуменно развернул голову в направлении геолога. Вот в этот момент, решив что настала моя очередь, я вонзил в спину ящера свой резак. Тварь зашипела, резко махнула в мою сторону хвостом и я, выпустив от неожиданности из рук оружие, покатился по песку. А варан рванул за мной.

Ну вот и все, сейчас зубы гадины сомкнутся на моей шее, и я так и не успею вдоволь насмотреться на звезды и рассветы. Я даже глаза прикрыл было, чтоб не видеть отвратительной картины поедания меня вараном. Но сразу же устыдился своего малодушия, в любимых мною с детства приключенческих романах герои всегда встречали свою гибель лицом к лицу.

И открыл глаза пошире.

Чтобы открыть еще и рот.

От изумления.

Ящер, минуту назад намеревавшийся меня сожрать, спешно улепетывал по пологому склону бархана. Вместе с торчащим у него из спины моим резаком. Интересно, что могло так напугать кровожадного хищника?

И только через пару минут, кое-как поднявшись на ноги и оглянувшись в сторону Кена, я увидел несколько странных фигур в длинных белых капюшонах, протягивающих моему другу странную на вид фляжку.

– Вода! – счастливо прошептал я шершавым от жажды языком и, покачнувшись от внезапно накатившей слабости, снова рухнул на песок.

* * *

Идея украсть воздушный шар возникла в моей голове как-то невзначай, и вначале показалась мне совершенно нелепой. Однако затем, мало-помалу обрастая доводами постепенно превратилась в почти навязчивую и вот уже который день я безуспешно ломаю голову над этим вопросом. Я думал об этом днем, таская мешки за покупателями, я думал об этом ночью, ворочаясь на жестком песке.

И наконец, на этом же песке, озираясь и пряча написанное от чужих глаз, решился поделиться своей идеей с Кеном. Он прочел, тщательно затер ногой буквы, и выразительно покрутил пальцем в сторону моей головы. Я только безразлично пожал плечами. Если не нравится моя идея – выдвини свою, я же не против!

Своей идеи у него не было уже, по крайней мере, месяц и он начал думать над моей.

Вот этим и хорош Кен. Теперь можно не волноваться, со свойственной ему обстоятельностью он выдвинет не менее десятка решений и столько же раз, с той же обстоятельностью, докажет невозможность их исполнения. Останется только выбрать наиболее приемлемый вариант и попытать судьбу.

Но испытанный способ сбоил. Два бесконечно долгих дня Кен задумчиво хмурил свои рыжеватые бровки, не переставая вертеть ручку допотопной мельнички и отрицательно качал головой в ответ на мои вопросительные взгляды.

И, наконец, вечером, когда я, проводив последнего покупателя, уселся рядом с другом на неизбежный песок, чтобы с возможным комфортом съесть свой

скудный паек, тихо шепнул одно только слово:

– Невозможно!

Я недоверчиво хмыкнул, не переставая жевать жесткую хайку, и вдруг ощутил приступ такого безысходного отчаяния, что невольно громко застонал, как от зубной боли.

– Ты чего? – испуганно охнул Кен, и в тот же момент бесшумно распахнулась щелястая дверца и в проеме замерла замотанная в грязновато-белый капюшон тщедушная фигурка нашего хозяина.

– Сто слутилось? – прошелестел еле слышный вопрос.

Нужно выкручиваться. Я с горестным видом пошарил под собой и, найдя камешек, сунул его Риссеу под нос.

– Вот.

– Сто вот?

– Сел я на него, вот что!

– Ну и сто? – не понял низранин.

– Больно, что же еще?!

– Несный осень! – презрительно прошипел Риссеу, и дверца закрылась.

А я вздохнул с облегчением. Нам нельзя ни сердить, ни волновать нашего хозяина. Собственно, низранин никакой нам не хозяин, просто дает работу, и за это мы получаем каждый вечер по сухой хайке и по порции мутной воды в туго закрученной фляжке. Еще нам разрешено ночевать не под открытым небом, а в одном из отсеков жилища Риссеу, который раньше использовался для хранения разного хлама.

Все низране просто жуткие мусорщики. Жизнь в этой нищей пустыне приучила их дорожить каждой мелочью и не выбрасывать вообще ничего. Из всего нужно извлечь всю возможную пользу – неписанный закон этих мест.

И мы с Кеном теперь четко представляли свою судьбу здесь. Пока мы можем целыми днями работать, скудно питаясь и недопивая, нам будет разрешено жить в этом песчаном окопчике, накрытом сверху пленкой. Однако, если наступит черный день, когда не хватит сил подняться с песчаного ложа, нам останется лишь умереть от жажды и голода.

Низранам неведомо чувство сострадания, поэтому, вполне возможно, нас утилизируют в тот самый момент, когда мы не сможем поднять руки.

Об этом я старался не думать вообще, как и о том, из чего низране делают хайки. Нет, основа была из муки скороспелых местных злаков, которую молол для Риссеу на маленькой мельничке мой друг. Но вот темная масса, которую бережливо отмеривал хозяин, замешивая крутое тесто, вызывала у меня сильные подозрения.

Нам еще повезло, что, приняв во внимание мои крученые бицепсы, Риссеу отправил меня работать грузчиком в своем магазинчике. В мои обязанности входило также подносить товары оптовым покупателям, а они за скорую и аккуратную работу платили небольшими бутылочками с водой. Пока нам воды хватало, удалось даже обменять небольшие излишки на хайки и просторные белые капюшоны, без которых под палящим солнцем мы бы просто изжарились. Но случись что…

Тут я снова невольно вздохнул и в тот же момент почувствовал, как рука Кена несильно пихнула меня в бок. Вот это и угнетало больше всего – невозможность обсудить ситуацию. У низран невероятно острый слух, а их подозрительность зашкаливает за все мыслимые пределы. И если Риссеу хоть на миг заподозрит, что мы не такие уж смирившиеся с судьбой простачки – разом выставит на улицу и даже его патологическая жадность не помешает.

В ту ночь мне снилось море, и утром настроение у меня было – гаже некуда. Но я старательно скрывал его, делано улыбаясь всем, кто попадался на пути. И только когда тащил мешки за очередным клиентом и пришлось проходить мимо тросов, удерживающих в вышине вожделенный воздушный шар, ухмыльнулся

так криво, что слуга, несший самые ценные покупки, посмотрел на меня как-то особенно из своего белого кокона. Я выматерился про себя и весь остальной путь улыбался малорослым сухощавым низранам и их разномастным работникам особенно приторно.

Аккуратно поставив мешки на песок возле указанной дверки, я терпеливо ждал, и не очень удивился, когда расплатиться за работу вышел не хозяин дома, а сопровождавший его слуга. Он махнул в сторону мешков двум крепким работникам, следовавшим за ним, и повернулся ко мне. Доставая из недр балахона пузырек, внимательно глянул в глаза, словно что-то проверяя или неслышно говоря. Я принял маленькую бутылочку, и внезапно все во мне сжалось. Там было что-то еще.

Стараясь не выглядеть суетливым, бережно опустил пузырек в глубокий карман и еще раз, как бы невзначай, провел по нему пальцем, проверяя, не почудилось ли. Нет. Я не ошибся. Крошечный пакетик топорщился на боку бутылочки.

Теперь уже я вопросительно смотрел на слугу, недоумевая, что бы это могло означать?! Но он, якобы потеряв ко мне всякий интерес, с преувеличенным вниманием следил, чтобы все товары были аккуратно убраны в дом.

На всякий случай осторожно оглядевшись, я постарался запомнить это жилище. Впрочем, оно ничем не отличалось от нескольких десятков других обиталищ поселка низран. Вырытые в песчаном холме небольшие округлые земляночки – комнатушки соединяются между собой узкими переходами, и все это накрыто плотной, термостойкой пленкой-хамелеонкой, положенной на тонкие рейки.

Вообще-то пленка и рейки в окружающей деревеньку пустыне не растут, и где их берут низране, пока остается для нас тайной.

Но далеко не единственной, к сожалению. Однако расспрашивать аборигенов про интересующие нас подробности их быта строжайше запрещено. А разномастные работники, попавшие сюда по сходным с нашими обстоятельствам, либо знают не больше нас, либо смертельно боятся любых вопросов.

Обычно я не очень торопился возвращаться к Риссеу за новым поручением, но не сегодня. Я уже сообразил, где можно рассмотреть загадочный пакетик, и

нетерпение распирало меня. Протиснувшись через низенькую дверцу в первую комнатушку, громко называвшуюся магазином и в честь этого бывшую чуть больше других, я скорчил хозяину жалостную гримасу и шепнул:

– Туалет, можно?

На мое счастье, Риссеу был занят с покупателем и, не поднимая головы, лишь дернул плечом в мою сторону, что, очевидно означало позволение. Ну я, во всяком случае, именно так трактовал данный жест, пробираясь по полутемным переходам к неказистому сооружению, носившему это изящное название.

Загадочный пакетик я осторожно отдирал от бутылочки, сидя на корточках в крошечном окопчике позади жилища Риссеу. В нем обнаружился клочок бумаги и я развернул его почти не дыша.

Там было всего два слова: – "Возьмете – помогу".

На лингве!

А дальше произошло невероятное – едва я собрался понадежнее спрятать записку, чтобы показать вечером Кену, как бумажка потемнела, осела и рассыпалась тонким пеплом. И у меня не осталось никаких доказательств этого невероятного происшествия.

От неожиданности я громко рявкнул крепкое словцо из матросского сленга, хотя мама не раз говорила мне, что мат показывает умственную неполноценность мужчины. И тут же за хлипкой дверцей раздалось знакомое:

– Сто слутилось?

– Живот болит! – поспешил отозваться я, в который раз отметив мамину правоту.

– От сего? – не унимался Риссеу.

– Не знаю, может от воды, – недовольно буркнул в ответ, догадываясь, что пора выходить.

На этот раз хозяин не успокоился, пока не помял мой абсолютно здоровый живот и не осмотрел внимательно язык.

– Нисево. – наконец успокоено прошуршал он и отправил меня с очередным клиентом.

К вечеру я, наконец, додумался, как поговорить об этом странном происшествии с Кеном. Хоть он и считается в нашей паре мозговым центром, а до такого простого решения не допер, гладил я себя мысленно по головке. Я просто показывал Кену порядковый номер буквы на пальцах, а он на пальцах же, шевеля губами, высчитывал, что это за буква. Так, где мимикой, где жестами я, наконец, объяснил другу суть невероятного предложения.

Естественно, у него пару раз получались такие слова, каких нет ни в одном языке, но постепенно все разъяснилось. Уточнив детали, Кен сел думать в своей любимой позе, а я спокойно уснул, честно считая, что с избытком выполнил свою долю мыслительной работы.

Утром Кен тем же путем объявил мне, что это может быть провокацией, но все же – стоит рискнуть. Он объяснил, что попробует передать весточку через знакомого работника. Потом нам нужно будет встретиться с нашим новым компаньоном, чтобы обсудить детали побега. Я должен буду подать ему знак. Головой кивнуть. Ну, разумеется, если удастся с ним связаться.

Побег!

Волнующее дивным запахом свободы слово! Как сжалось и дрогнуло что-то внутри только от одного осознания вероятности побега! А ведь еще пару месяцев назад мы чуть не сошли с ума от счастья, когда возникшие внезапно в жарком мареве песчаных барханов сухощавые незнакомцы, замотанные с головы до ног в необъятные грязно-белые балахоны, протянули нам фляжку с водой. Тогда это невероятное спасение после нескольких дней отчаянной борьбы за выживание в этой беспощадной, полной незнакомых опасностей пустыне ощущалось как настоящее, высшее чудо.

И только через пару недель жизни в низранском селении мы доперли, что ехидная судьба вместо настоящего спасения подсунула нам нищенский суррогат.

Два следующих дня я таскал мешки, широко улыбаясь всем встречным, и беспрестанно вертел головой в надежде на встречу с незнакомцем, а на третий он сам пришел в магазин. В тот момент я стоял позади Риссеу, придерживая двумя руками открытый мешок с какой-то серой крупой, которую хозяин тщательно отмеривал маленькой мерочкой. Последовали традиционные фразы приветствия хозяину и быстрый внимательный взгляд в мою сторону. Надеюсь, что мой многократно отрепетированный кивок был не слишком поспешным. Клиент тихо прошелестел Риссеу что-то по низрански, после чего хозяин молча сделал мне знак следовать за ним.

За время нашего пребывания здесь я уже немного научился говорить на наречии аборигенов, но сейчас не услышал ни одного знакомого слова. Это показалось очень подозрительным и я, шагая за предполагаемым сообщником, решил быть крайне осторожным и хитрым. Тем временем мы уже прошли мимо последних землянок и топали вдаль по пустыне, все удаляясь от поселения. Абсолютно бесцельно, на мой взгляд.

– Куда мы идем? – осведомился я как можно безразличнее.

Не хотелось паниковать раньше времени.

– Молчи. – Тихо приказал спутник.

Еще минут пятнадцать мы молча брели через барханы и я понемногу начал волноваться. Неужели Кен все-таки был прав, и это подстава? Вот сейчас парень повернется и скажет, что мы с Кеном не прошли проверку на лояльность?! Что тогда делать? Но разве для такого заявления нужно было вести меня так далеко?

Или мы уже сбежали? Тогда почему без Кена? Может, пора объяснить спутнику, что друга я не брошу и никуда без него не пойду? Или все же стоит пойти?! А когда доберусь до побережья, нанять вертолет и вернуться за ним?! Но не придется ли мне тогда отбивать его у низран силой?! А это уже совершенно недопустимый поворот событий.

Тяжкая лавина этих мыслей заставила меня тяжело вздохнуть и почти с ненавистью смерить взглядом худенькую спину спутника. А он, не оборачиваясь, внезапно предложил:

– Оглянись, шар видно?

Я оглянулся.

– Только верхушку.

Спутник свернул за небольшой бархан и сел на песок.

– Садись, Арт!

Я невольно дернулся.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Не тупи, его здесь все знают! Как и мое, между прочим. Меня зовут Тези.

– Очень приятно! – пробубнил я, матеря себя за идиотизм, но все-таки задал очередной глупый вопрос – А почему шар не должно быть видно?

– На нем камеры для наблюдения за местностью.

– Врешь! – выдохнул я.

– Нет. – Серьезно ответил Тези и вытащил из недр балахона небольшую серую бусину, болтающуюся на нитке наподобие медальона. Более всего она напоминала диктофон, и вот его тут точно не должно было быть. А мой спутник поднес бусину ко рту, шепнул в нее что-то и подал мне.

– Сунь в ухо.

Я подчинился и услышал медленный четкий механический голос, объясняющий мне в деталях план умыкания воздушного шара. Наверное, вид у меня в этот

момент был донельзя идиотский. Обычно меня не очень легко удивить, а этому малорослому Тези это удалось уже два раза подряд. В этой дикой пустыне я никак не ожидал встретить такие обычные для моего мира вещи, как минидиктофон и камера слежения. Интересно, что еще может оказаться у этих низран за пазухой?! А шарик объяснял мне тем временем очень интересные вещи. Наконец мне сообщили кодовое слово включения записи и тот факт, что прослушать ее можно еще только один раз, после чего чудо техники перестанет функционировать. Я вытащил диктофон из уха и поинтересовался у Тези, откуда это у него? Но он только отмахнулся.

– Потом объясню! Ты все понял? – обязательно дай это прослушать Кену и если ему что-либо покажется невыполнимым или непонятным, сообщите мне! – тихо и настойчиво повторил он, вставая и отряхивая песок.

Мне так хотелось с ним о многом поговорить, обсудить, уточнить, но Тези пресек все мои расспросы на корню. Пришлось вставать и двигать обратно. Назад, по приказу компаньона, я шел впереди. Шел и мечтал о побеге. То есть, нас и раньше здесь никто особенно не задерживал.

Но уйти пешком через кишащую неведомыми опасными хищниками пустыню без запаса воды и оружия практически означало самоубийство. А сейчас долгожданная свобода наконец реально засветила на горизонте, и от этого мне вдруг стало очень легко и весело.

Я шел и улыбался рыжему знойному небу, бесконечным, серым барханам, еле видным верхушкам гор на горизонте и кажется, даже напевал, как вдруг злой шепот сзади осадил меня.

– Будь поосторожнее, особенно с Риссеу, и ничего не говори сейчас вслух!

– А ты? – сорвалось у меня.

– Тсс! – зло зашипело сзади по-змеиному, и я даже оглянулся от неожиданности, но тут же понял, что сделал это зря. На меня так люто смотрели выразительные, почему-то смутно знакомые карие глаза, что я молча отвернулся и двинулся к поселку. Петь, конечно, уже не хотелось, но окончательно испортить мне настроение не смогло бы сейчас ничто. На этот раз я улыбался встречным низранам вполне непритворно, и у меня даже возникло ощущение, что они тоже

улыбаются в ответ.

Дойдя до жилища Риссеу, я обернулся, чтоб пропустить Тези, но его уже рядом не было. Когда и куда он свернул – я даже не заметил. Наверное, так нужно, решил я и вошел в дверцу. На звук моих шагов обернулся хозяин, слабо усмехнулся, и неожиданно сделал неуловимое, неприличное движение бедрами. Я так и замер на секунду от неожиданности, а он, как ни в чем не бывало, отвернулся к своим мешочкам. И привидится же такое, подумал я, пожал плечами, и отправился проверить, не нужно ли Кену принести зерно и унести готовую муку.

Он был в каморке один, и по его быстрому вопросительному взгляду я сразу понял, что он откуда-то знает, что я виделся с Тези. Я бодро подмигнул ему, давая понять, что все о-кей, но лицо Кена лишь как-то кисло сморщилось. Что-то не так? Все прежние подозрения вмиг ожили в моем мозгу и я стиснул зубы. Неужели доверился врагу? Как никогда мне захотелось свернуть кому-нибудь шею. Неожиданно сзади скрипнул песок под чужими ногами, и я заставил себя расслабиться. И тут же заметил, что Кен как-то странно смотрит на мои кулаки, взглянул туда же – ничего себе! Силой воли разжав побелевшие пальцы, я схватил мешочек с мукой и поволок в кладовую.

Весь остаток дня я работал как автомат. Мои мысли были заняты только одним: зачем и кому нужно нас подставлять? Сотня самых невероятных предположений родилась, и была отвергнута как совершенно немыслимая. Наконец стемнело, хозяин выдал нам наши пайки, и мы уселись ужинать в своей каморке. Я начал было на пальцах объясняться с Кеном, но он только прижал палец к губам. Ну молчать, так молчать. Поев, мы прилегли на песок и тут я как-то незаметно уснул.

Проснулся от толчка в спину уже под утро. Кен на пальцах объяснил, что теперь я могу рассказать о встрече с Тези. Я достал шарик, тихо шепнул в него пароль и вставил в ухо Кену. Пока он слушал инструкции, я наблюдал за выражением его лица. Мне очень хотелось знать, испытывает ли он те же чувства, какие испытал я, слушая эту запись. Но он только сосредоточенно кивал, а дослушав, шепнул шарику одно слово. Слабо пахнуло жженым пластиком, и крошечное устройство перестало существовать.

Следующие несколько дней Кен усиленно думал вечерами, изредка задавая мне разные вопросы. Я терпеливо отвечал, так как уже понял, какое решение принял

мой друг. Все эти дни мы старались не пить заработанную мной у покупателей воду, а старательно закапывали маленькие бутылочки в углу каморки. Некоторые из них Кен обменял на какие-то порошки и крупы у помощника Риссеу, но постарался сделать это в отсутствие хозяина.

Наконец он сказал мне, на пальцах как обычно, что завтра придет Тези, и я должен буду отвлечь Риссеу на пару минут. Я кивал с серьезным видом, но в душе у меня все пело и плясало. Все эти указания означали начало операции под названием "побег" или "улёт на воздушном шаре", причем второе лично мне нравилось больше. Придумывать новый способ как отвлечь хозяина не стал, решил применить уже испытанный.

Тези пришел на следующий день к вечеру, когда я уже устал его ждать. Пока шел традиционный обмен приветствиями, я болтался неподалеку от открытой дверцы, ведущей из мельничной каморы в магазин. И, едва Риссеу перешел от расспросов к рассуждениям о качествах своей замечательной муки, выскочил к ним.

– Ой, ой! Хозяин! – ныл я, – Болит! Болит!

– Зивот? – встревожено спросил он.

И вдруг, не поняв сам, почему, я капризно заявил:

– Какой живот?! нога болит!

– Посему? – озадаченно спросил он. – Мешок я на нее сейчас уронил! – вдохновение не покидало меня.

– Какой нога? – Риссеу кажется, поверил мне.

А действительно, какая? Я не спеша, выставил вперед правую ногу.

– Вот эта!

Хозяин, присев, внимательно изучал мои ноги, переводя взгляд с одной на другую. Я тоже посмотрел вниз. Интересно, что он там такое занятное

разглядел? А Риссеу медленно поднялся и яростно смотрел теперь вверх, прямо мне в глаза. Разумеется, я постарался смотреть как можно наивнее и не моя вина, что с моей рожей это не всегда получается.

– Ты ленивий, хитрий смея! – свирепо зашипел наконец Риссеу – Ты сейчас идет работать и таскать все мешок в кладовая! И если ты еще кричать – болит! – я тебя совсем выгонять!

Он так раскипятился, что стал говорить на лингве значительно хуже обычного. Бросив в меня последний уничтожающий взгляд, Риссеу отвернулся и обнаружив, что Тези исчез, почти бегом рванул в закуток Кена. С обиженным видом я поплелся следом, в душе надеясь, что Кену хватило этого времени. Хорошо, что я много выше Риссеу. Еще из коридорчика я рассмотрел, как Кен невозмутимо крутит свою ручку, а Тези, стоя к нему спиной, рассматривает надписи на мешках и мешочках. Хозяин подскочил к нему и недовольно что-то зашипел по низрански. Но Тези в долгу не остался. Показывая на мешки, он возмущенно отчитывал нашего хозяина. Как я понял, Риссеу не был очень честен с клиентами и подсунул хозяину Тези вовсе не ту муку, которую следовало. Догадавшись тихонько смыться, я отправился по своим делам, справедливо рассудив, что хозяину теперь совершенно не до меня.

Ночью мы со всеми предосторожностями вырыли еще одну ямку в своей каморке. В полумраке землянки, освещаемой лишь светом небольшой банки с местными светляками, я не очень хорошо все рассмотрел, но и того, что увидел, хватило, чтоб запрыгать от восторга. Никогда бы не поверил, что здесь могут быть такие вещи. Следующие пять дней я был настолько счастлив, что никакие придирки Риссеу не могли испортить мне настроение. Даже нудная работа и плохая еда не злили меня больше. Осточертевшие мешки, казалось, стали полегче, и я таскал их чуть не бегом.

Хозяин злорадно ухмылялся, считая что хорошенько напугал меня, и теперь пожинает плоды своей проницательности.

А на шестой день с утра нас неожиданно заперли в нашей каморке и велели сидеть тихо. Кен выждал немного, пока стихли вдалеке все шаги и сделал мне знак выкапывать наши сокровища. Лихорадочно копая песок, обвешиваясь под балахоном запасами продуктов, воды и оборудованием, принесенным Тези, я не сразу сообразил, что наконец-то он настал.

Великий день перемен.

День нашего убытия.

Выломать жидкую дверцу для меня не составило бы никакой проблемы, но Кен велел копать песок под рейкой. Ну, копать, так копать. Я достал из-за пояса широкий низранский нож для работы в поле, и принялся за дело. С таким инструментом копать просто одно удовольствие. Кен шепотом повторял последние инструкции. Наконец дохнуло жарким воздухом пустыни, посыпался горячий песок, и мы выползли наружу. Огляделись. Никого. Засыпали дыру и осторожно поползли, скрываясь за землянками.

От увиденного на центральной площади у меня отпала челюсть. Около парившего в вышине низранского шара завис летательный аппарат неизвестной мне конструкции. От этого странного НЛО к корзине шара был перекинут трос, и по нему низране с помощью нехитрой лебедки отправляли в аппарат какие-то тюки. Снизу несколько низран грузили такие же тюки в сетчатый контейнер, привязанный к веревке, спускавшейся из корзины. Никого из слуг не было видно. Исключительно низране. Значит, поэтому никто из знакомых мне рабов не мог ответить, откуда у низран, занимающихся только охотой и немного земледелием, берутся промышленные товары. Их просто не допускали к этим тайнам. Интересно, а как обстоят дела у Тези?! Надеюсь, ему удалось удрать, иначе вдвоем нам придется туго.

Низране тем временем споро погрузили все свои тюки, и НЛО плавно приподнялся. Теперь трос был наклонен в сторону корзины, и по нему начали передавать низранам тюки, ящики, коробки и свертки самых разных размеров. Вот теперь я точно знал, как появляются у низран рейки, пленка и многое другое. Правда, неясно, чем за это заплатили пустынники. Ну и совсем уж непонятно, откуда прибыли загадочные купцы и почему низране держат их прилет в такой тайне даже от своих несчастных рабов. Пока я размышлял об этом, разгрузка закончилась, свистнул отцепленный трос, Нло резко рванул вверх и вскоре исчез из виду. Низране сгрузили тюки на песок, и как мураши резво потащили их в самый большой дом, который я называл дом вождя, потому что он стоял на центральной площади и около него всегда дежурил охранник. Площадь опустела.

Я оглянулся. Когда к нам присоединился Тези, я не заметил, но теперь искренне обрадовался его присутствию.

– Пошли! – тихо скомандовал он, и мы, поднявшись во весь рост, рванули к шару. Корзину шара держат на месте три троса растяжки и по плану захвата мой самый дальний, поэтому я мчался не оглядываясь. На ходу я застегивал на руках замечательные перчатки. Ладони покрыты стальными крошечными иголочками, направленными в сторону запястья. Что-то вроде липучек. Перчатки привязаны к широкому поясу тонкими, суперкрепкими тросиками.

Добежав до растяжки, я вцепился в трос правой рукой, постаравшись ухватиться как можно выше. В левой нож. Быстрый взгляд назад, интересно, как там мои сообщники? Ого! Ребята, держась одной рукой, как я, другой пилят каждый свой трос. Я тоже начал резать свой. Не очень трудно, но секунд десять займет.

– Арт! берегись!

Я оглянулся. Низкорослый охранник, стоявший раньше у дома вождя, теперь во весь опор мчался ко мне. Со всей силы я резанул по тросу, и правую руку резко дернуло вверх. Ура! Летим! Выпустив из левой руки нож, предусмотрительно привязанный к поясу, второй рукой тоже схватился за трос. Однако оказалось, рано обрадовался, что охранник остался с носом, настырный низранин ухитрился в последний момент прыгнуть на мою левую ногу. А в следующий миг в нее вонзилось что-то острое. Я охнул от неожиданности и правой ногой пару раз хорошенько пнул гада. Но он громко заверещал и еще крепче вцепился в меня. Сидя верхом на моей ноге, он всхлипывал что-то по-своему, по-низрански и по всей вероятности расставаться со мной вовсе не собирался. Взглянув наверх, я обнаружил что Кен и Тези уже почти добрались до корзины. Значит нужно поспешить. Не обращая внимания на пассажира, тоже упорно полез ввысь.

Даже в чудо-перчатках непросто лезть с грузом по капроновому тросу, болтающемуся на головокружительной высоте. К тому же у меня почему-то внезапно онемела левая нога и поплыло перед глазами. Видимо, зря я свысока подшучивал над игрушечными на вид кинжальчиками, с которыми ходили охранники.

Из последних сил сопротивляясь накатывающей темноте, я почти механически перебирал руками, но корзина почему-то приближалась очень медленно. Неожиданно меня что-то ударило по спине. Оглянувшись, я словно сквозь туман обнаружил болтавшийся рядом на веревке крюк от лебедки. Сверху что-то отчаянно кричал Кен. Засыпающее сознание подсказало единственный шанс на

спасение. С трудом протянув руку, я ухватился за крюк, мотнул веревку вокруг кисти несколько раз и отключился.

Мне было жарко и нестерпимо хотелось пить. Однако даже открыть глаза оказалось неимоверно трудно и пришлось, смирившись, терпеть. Зато слух работал нормально, да и разговаривали где-то рядом. Причем, обо мне.

Подслушивать конечно некрасиво… зато так интересно. Да и деваться мне некуда.

Как выяснилось, правильно я догадался, оружие низранина было смазано парализующим ядом. К счастью у охранника нашлось противоядие. Эй, а охранник-то откуда?! Оказывается, это я его притащил на себе. А как его было не тащить, если он вцепился как клещ?

– Но очнется теперь только часа через три, – невесело вдохнул Тези.

– Зато живой и здоровый, – успокоил его Кен и добавил озадачившую меня фразу, – благодаря тому, что ты вовремя догадалась втащить его лебедкой.

Что значит – "догадалась"?!

С чего это Кен вдруг начал выражаться на лингве косноязычно, как Риссеу? И тут голос Тези сказал:

– Просто поняла, что без лебедки у нас не хватит сил их втащить, ведь на Арте еще охранник висел.

Меня как будто снова ширнули ядовитым кинжалом. Прямо в сердце. Да я теперь и через шесть часов не очнусь, и не ждите. Несколько дней сидеть в тесноте крошечной корзинки рядом с девчонкой…

Да от одной только мысли о такой перспективе можно на неделю в кому впасть! И тут в моем светлеющем сознании возник вопрос, от которого я сразу открыл глаза:

– Сколько часов мы летим?

Две пары изумленно вытаращенных глаз уставились на меня с выражением такой радости что я великодушно решил не обижаться на то, что наш компаньон оказался девушкой. В конце концов, она же в этом не виновата?

– Хочу пить! – добавил я хрипло.

В тот же миг Тези склонилась надо мной с пузырьком в руке. Ну, возможно я был не прав, и девица на корабле не такое уж большое несчастье. Сделав несколько жадных глоточков, отстранил ее руку. Месяцы жизни с низранами научили меня ценить воду.

– Так сколько мы летим? – повторил вопрос, пытаясь сесть.

– Часов шесть, скоро закат. – Ответил Кен. – А ты бы полежал еще, рановато тебе садится.

– Будет плохо – лягу, – буркнул я, в душе благодарный Кену за такую заботу. Приятно все – же, когда можно разговаривать, не опасаясь вечно подслушивающих низран.

Кстати, а интересно, как Кен отделался от мелкого гаденыша, который мало того, что продырявил мне ногу, да еще и слезать с нее не хотел?

И как бы в ответ на эти мысли наконец рассмотрел в углу стянутый веревкой тощий сверток, с ужасом взирающий на нас.

– А это что еще за новогодний подарок? – невольно вырвалось у меня, – Вы почему его не выкинули?

Сверток тоненько всхлипнул.

– Не надо Арт! Ему и так несладко, – неожиданно заступилась за охранника Тези.

Вот оно! Дождались! Начались эти девчачьи штучки. Теперь еще только слез не хватает.

– А действительно что теперь с ним делать? – неожиданно поддержал меня Кен – Может, опустимся и сбросим? Неужели он дорогу назад не найдет?

– Да какое нам вообще дело, найдет или не найдет? – Я еще вредничал, но уже ясно понимал, что никогда бы не бросил человека посреди пустыни, даже если этот человек – низранин.

Однако охранник еще не догадался об этом, так как неожиданно, плача и захлебываясь, начал быстро что-то лопотать по-низрански. Тези явно отлично понимала это бормотание, Кен тоже слушал очень внимательно, мне же были знакомы лишь несколько слов, которые к тому же совершенно не подходили друг другу по смыслу. Например, что могло бы означать "новая мать царица" и еще что-то в том же духе? Бред какой-то.

Определенно малый со страха сошел с ума. Надеюсь, он не будет буянить. Тези видимо рассудила так – же. Дослушав лепет низранина, она велела Кену развязать пленника, и он беспрекословно ей подчинился. А вот мне это сразу как-то не понравилось. С чего это девчонка здесь так командует? Мы с Кеном обычно принимали все решения вместе, после детального обсуждения, и менять этот порядок я вовсе не собирался.

Твердо решив немедленно заявить об этом Кену, я только начал открывать рот, как напарник, обернувшись ко мне, шепнул несколько слов на языке, которого здесь знать не могли. Это существенно меняло дело, и поэтому, не успев ничего придумать я брякнул первое, что пришло в голову:

– А где тут туалет?

Все как-то странно замерли, потом посмотрели друг на друга и вдруг начали хохотать. Секунд пять я пытался сохранить обиженный вид, потом не выдержал и захохотал громче всех. Несколько минут безудержного хохота разумеется, не сделали нас друзьями, но и врагами мы больше не были.

Перестав трястись от страха, низранин вдруг сносно заболтал на лингве и, объявив что его зовут Миссе, объяснил нам особенности устройства нашего летящего в неизвестность аппарата. Оказывается у корзины двойное дно и промежуток засыпан песком для балласта. Ссыпать его можно, потянув за

тросик, открывающий клапан в дне. И это самое простое. Наполнен шар водородом, который вырабатывают особые бактерии, живущие в специальном термосе, прикрученном к одной из стенок корзины.

Вот тут и начинаются проблемы. Им нужна вода и некая питательная смесь, запас которой у нас очень невелик. Также нужно их фильтровать и чистить термос, а для этой процедуры у нас вообще ничего нет. Поэтому мы не сможем приземляться каждый раз, как кому-нибудь приспичит погулять.

После этой информации Кен и Тези как-то странно притихли, и я сообразил, что проблема туалета волнует не только меня. Интересно, а сколько у нас еще таких проблем? В низранском поселке мне казалось, что достаточно вырваться на свободу, имея такое мощное вспомогательное средство как воздушный шар, а все остальные вопросы можно будет решить по мере их поступления.

А ведь мы уже сполна испытали на своей шкуре, как опасна и коварна деллийская пустыня. Низране нашли нас в самом плачевном состоянии, когда, бросив разбитый вдрызг о камни старенький примитивный вертолетик, мы неделю плелись наугад через раскаленные пески.

К тому моменту мы уже успели истратить все свои болты, отстреливаясь от огромных хищных варанов, выпили всю воду и потеряли, спасаясь от хищников, единственное серьезное оружие. И это еще огромное счастье, заявили аборигены, что нам не встретилась ни одна туффа – жуткое исчадие местной фауны.

– Это может получиться! – произнес внезапно Кен и я вздохнул с облегчением, наконец-то метод – «проблема – Кен – решение» снова заработал.

Получив инструкции к действию и открыв лючок в подвальчик с балластом, я попытался пролезть в него. Не тут-то было. Это отверстие совершенно не подходило к моим плечам.

– Мозно я? – худенький низранин ловко юркнул вниз. За ним, несмотря на наши возражения, в люк решительно спустилась Тези. Кен хотел присоединиться, но ему заявили что там и без него тесно. Работать в подвальчике высотой около метра приходилось на коленях. Нам оставалось только взяться за расширение люка, чтоб как можно быстрее сменить Тези. Через час пыльной работы по

пересыпке песка удалось освободить один угол. Отогнув край старой серебристой пленки, застилавшей дно и стенки корзины, так, чтоб песок не ссыпался обратно, мы проделали в уголке днища небольшую дырку и на этом устройство удобств было закончено.

Пока мы решали эту проблему, наступил вечер. Стоя у бортика и рассматривая нескончаемые волны барханов, я вдруг почувствовал нестерпимый голод и вспомнил, что по правилам Риссеу уже должен жевать хайку и пить свою законную бутылку воды.

И хотя теперь у меня ничего этого не было, я бы не согласился возвратиться к низранам даже за сотню пайков.

А вот глупый охранник летит в неизвестность и возможно никогда не вернется домой. Может сейчас кто-то горько плачет по нему. Мне вдруг захотелось сказать Миссе что-нибудь ободряющее и я развернулся лицом к обществу.

И тут же забыл свои благие намерения, завороженный увиденным действом. Стоя на коленках на куске старой тряпицы Тези сосредоточенно делила куски хайки и бутылочки с водой. И скудные пайки с жестокой реальностью напомнили мне, что наши нищенские запасы, принесенные под одеждой, приходится делить теперь не на троих, а на четверых. Миссе, видимо, понимал это особенно отчетливо, потому что сидел, отвернувшись от еды, и его худенькая спина была напряженно выпрямлена. И снова жалость к этому путешественнику поневоле поднялась в моей душе. А Тези, хлопнув низранина по плечу, молча, как равному, подала ему кусок хайки и воду. Потом, подвинув нам с Кеном наши пайки, спокойно откусила свой кусок.

На этот раз ужин занял у меня намного меньше времени, чем обычно, и, глядя, как низранин аккуратно ссыпает в рот последние крошки я вдруг решил задать ему свой вопрос:

– Миссе, а у тебя мать с отцом есть?

Никогда до этого я не видел у обычно невозмутимых низран таких широко открытых от удивления глаз и рта. Кен как-то нервно хихикнул, и широко открыть рот пришлось мне, потому что Тези неожиданно заговорила на языке, которого никто не должен был здесь знать, кроме нас с Кеном. Первые же ее

слова, резко брошенные мне в лицо, настолько потрясли меня, что она, заметив это, смягчилась и уже спокойнее выдала такую информацию, от которой заглючил бы любой компьютер.

Эти шепелявые низране, оказывается, откладывали яйца! И к тому же, у них был махровый матриархат. В том доме, что стоял на главной площади, жила их мать-царица и ее дочери. А отцами становились многие заслуженные соплеменники, которых призывали к исполнению супружеского долга по выбору царицы. Но самое невероятное всё же было другое. Пустынные царицы далеко не все отложенные яйца вручали на высиживание своим дочерям. Отбракованные по известному только ей принципу яйца, мать надкалывала и отдавала слугам для приготовления яичного порошка, который, кстати, в качестве биодобавки входил в ту самую смесь, что всегда вызывала у меня такие подозрения.

Тези давно замолчала и, отвернувшись от меня, что-то перекладывала в наших небогатых запасах, а я все переваривал услышанное. Мне и раньше казалось странным, что низране никогда не говорят о своих семейных делах, и не ходят по улице женщины с маленькими детьми, но спросить об этом было совершенно невозможно. Скрытные и подозрительные пустынники и за меньшее любопытство наказывали очень строго.

Только одно непонятно, откуда тогда Тези все это известно, ведь она такая же рабыня, как и мы? Я все – таки задал потихоньку этот вопрос Кену, укладывающемуся около меня на ночлег, хотя и чувствовал интуитивно, что этого делать не стоит. Друг как-то странно взглянул на меня и так же тихонько ответил:

– Потому, что она женщина.

– Ну и что?

Он отвернулся и не ответил.

Я ничего не понимал. Все знали что-то, чего не знал я, и не хотели мне объяснять.

Немного повозившись, устраиваясь на еще более жестком, чем песок, полу корзины, я наконец лег на спину и, глядя в темнеющее небо, попробовал

мыслить логически. Если низране привыкли свято поклоняться своей матери-царице, то вполне вероятно, что и к женщинам других рас они относятся с большим уважением, чем к их мужчинам. Похоже, что так. Но почему мать-царица терпит в своих владениях чужеродных соперниц? В доброту дамы, делающей из своих детей яичный порошок, я бы не поверил и под расстрелом. Значит ей почему-то выгодно такое положение чужестранок. Тут мои размышления зашли в тупик, и сколько ни придумывал версий, ни одна из них не показалась мне единственно точной. Что-то говорило, что я на верном пути и не хватает одной лишь зацепочки, чтоб все встало на свои места.

Утром я проснулся поздно и с головной болью, и, хотя дулся на Кена за его секреты, все же не выдержав, признался ему, что мой дедуктивный метод завел меня в тупик. Тези в это время была в подвальчике, а низранин спал, замотавшись в свой незаменимый капюшон. Кен махнул рукой в его сторону:

– Спроси у него!

Так. Что же случилось с нашей дружбой, что даже ответ на свой вопрос я должен искать у вчерашнего врага? Я не стал устраивать допрос низранину, а просто решил отложить выяснение этой загадки на более подходящее время. В конце концов, какое мне теперь дело до этих полудиких аборигенов?! Правильно, никакого.

Тем более, пора было выяснить, далеко ли мы продвинулись за ночь. Но подойдя с этим намерением к бортику, мгновенно забыл все недавние вопросы.

Сегодня мы летели намного ниже, чем вчера вечером. Можно было рассмотреть даже ветви сухих скрученных деревьев, изредка торчащихщих среди барханов. А вон то дерево какое-то странное. Круглый веретенообразный ствол и провисшие мохнатые ветви делали его похожим на жуткого огромного кузнечика. Тень от шара пробежала мимо дерева и оно вдруг резко прыгнуло на нее. Я вскрикнул от неожиданности. Кузнечик замер и поднял вверх голову, разглядывая шар. Вот это экземплярчик!

Рядом со мной потрясенно охнул Кен. Интересно, когда он подошел, не успел отстраненно подумать я, а напарник уже тормошил охранника.

– Миссе! Да Миссе же! Иди быстрей сюда! Посмотри, что это такое?

Маленький низранин белым клубком метнулся к нам и выглянул за борт. Жуткий кузнечик огромными прыжками догонял наш шар и расстояние сокращалось с каждой секундой.

– Туффа, туффа!

Никогда бы не подумал, что низране умеют так пронзительно верещать.

Но не успел я открыть рот, чтобы успокоить трусливого парнишку, как туффа прыгнула и в прыжке плюнула вслед шару. Плевок с невероятным ускорением влепился в стенку корзины, и я едва успел вцепиться в бортик, так силен был рывок. Корзину качнуло сначала вперед, потом дернуло назад, и только теперь я понял, что плевок был ни чем иным, как гигантской паутиной, по которой туффа теперь поднималась к нам. А шар, накренившись, резко шел на снижение.

Выхватив нож, я перегнулся через бортик и попытался перерезать паутину. Безуспешно.

Впечатление будто режешь быстро застывающий резиновый клей. Рядом Тези зачем-то мотала бутылочкой с водой, пытаясь попасть на паутину. Бедная девочка! От стресса у нее совсем заглючил бортовой компьютер!

Однако, странно! Паутина от воды стала мягче и рыхлее и у меня появилась надежда перерезать ее. Но тут в стенку ударил второй плевок, и почти сразу третий. Шар снижался, все ускоряясь, а туффа поднималась к нам, споро подтягиваясь на своих паутинах. Тварь явно рассчитывала на праздничный обед.

Ну, только не жди, милая, что этот обед достанется тебе совсем уж легко, рычал я, готовясь к бою. А тварь уже вцепилась страшными лапами в стенки корзины и над бортиком показалась уродливая голова с грозными клыками и тонким хоботком.

– Арт! Бей в глаз!

Интересно, Тези, а откуда мне знать, где у нее глаза, возмутился я. На секунду оглянувшись, чтоб оценить расстановку сил, заметил, как Миссе ужом нырнул в подвальчик. Ну, вот вам и первая крыса. Что ж, трус, обойдемся и без тебя. Я

остервенело бил ножом в жуткую морду, стараясь не совать руку близко к клыкам. Тварь махнула лапой, пытаясь достать меня, и перерубила один из канатов, держащих корзину. Та наклонилась еще сильнее, и, чтобы не вывалится, нам приходилось одной рукой держаться за тросы или борта.

Тези бросив бутылку, колола туффу какой-то острой палочкой, и по-видимому, небезуспешно, от этих ударов тварь дергалась и пыталась уклониться. Тут я кажется, нашел-таки глаз, туффа зашипела и беспорядочно задергала передними лапами. Внезапно громко застонал Кен и на мой белый балахон брызнула кровь друга. В отчаянии я яростно ударил мерзкую гадину еще раз, и туффа начала мешком обвисать под корзину, намертво зацепившись шипастыми лапами за бортик.

Не надеясь, что она не очухается вновь, вцепился в жуткую голову и, нажимая изо всех сил, начал откручивать ее от туловища. Даже с моими мускулами это оказалось не так-то легко, но боль за Кена добавила сил. Через минуту ненавистная голова была у меня в руках, и я уже было размахнулся чтоб выбросить ее за борт, но кто-то повис у меня на руке. А, Миссе! Ты уже вышел из подполья?

– Не бросить! Не бросить! – встревоженно вскрикивал низранин.

Я пожал плечами и, понемногу остывая, выпустил голову из рук. Миссе быстро сунул ее в угол и бросился к бухте каната подвешенной около лебедки. Только теперь я заметил, что шар опустился так низко, что задевает дном за ветви низкорослых, жилистых деревьев. Заскреб песок якорь, выброшенный развившим не низранскую скорость Миссе, и шар, дернувшись несколько раз, наконец остановился. Кен лежал с закрытыми глазами, Тези чем-то мазала пропоровшую его плечо рваную рану. Злой скрежет сам сорвался с губ, когда я разглядел страшное ранение.

– Иди, помоги Миссе, – не оглядываясь, мягко сказала Тези и я, неожиданно для себя, безропотно подчинился.

Наверное, и у нас наступает матриархат, что там бормотал этот трус про мать-царицу?

Низранин действовал так, будто каждый день совершал побег на воздушных шарах. Сначала мы подтянули перерезанный трос и как могли, починили снасть, затем спустились на песок и накрепко привязали корзину растяжками к деревьям. После суток полета было очень приятно походить по песку, но Миссе прошелестел, что нужно поторапливаться, в этом месте могут водиться вараны, ведь именно на них охотятся туффы. Это сразу отбило у меня охоту гулять по песочку, и я резво рванул к шару, подозрительно оглядываясь по сторонам.

Вернувшись в корзину, начали освобождать наше средство передвижения от незваной гостьи. Перегнувшись через борта, перерубили, следуя указаниям Миссе, сначала задние, а потом и передние лапы, и тело туффы рухнуло на песок, а шар дернулся вверх. Теперь, по моим понятиям, пора было втаскивать якорь и удирать отсюда, но у Тези и низранина, как выяснилось, имелось свое особое мнение.

Один за другим они соскользнули на песок и начали ковыряться в останках туффы. Мне вовсе не светило сидеть в безопасности, когда спутники подвергают себя риску, и к тому же, им могла понадобиться моя помощь. Ну хотя бы в поднятии тяжестей, если они, конечно, появятся.

Оглянувшись на Кена и убедившись, что мой напарник удобно уложен и, по-видимому, уснул, я спрыгнул на песок.

Ну и страшилище же мы завалили! Вся шкура и лапы этого гигантского паукокузнечика были покрыты непробиваемыми чешуйками и только на длинном брюшке торчали жесткие щетинки. А это что? Вся передняя часть брюха оказалась покрыта глубокими разрезами, из которых еще сочились застывающие ручейки темной крови. Тези коротко взглянула на эти раны и вдруг сказала:

– Молодец Миссе!

При чем тут засветившийся от похвалы Миссе, мне видимо не понять никогда. Я уже открывал рот, чтобы спросить, за что хвалят этого труса, как Тези сама снизошла до объяснений.

– Низране с детства изучают анатомию самых опасных хищников пустыни, вот Миссе и полез в подвал, чтобы достать до незащищенного брюха. Его кинжал, смазанный парализующим ядом, лучшее оружие против туффы. – Пробурчала

она менторским тоном, копаясь во внутренностях монстра.

Меня точно пинком сбросило с сияющей высоты моего самодовольства. А ведь было так приятно ощущать себя героем дня…

– Но ты правильно сделал, что оторвал туффе голову, яд вырубает ее ненадолго, – тем же тоном добавила Тези.

Я пожал плечами и, рассматривая окровавленные шарики, вынутые из недр туффы, поинтересовался:

– А зачем нам эта тухлятина? Мы что, будем это есть?

Удивительно, но Тези ответила сразу и очень серьезно:

– Нет, Арт, это нельзя есть нам, а вот бактерии наши теперь несколько дней будут работать.

Ну хоть какая-то польза от этой дряни, располосовавшей моего лучшего друга. Кстати, а как он там? Я повернулся к тросу, намереваясь вернуться в корзину.

– Арт, отнеси это в корзину и сбрось сюда голову! – хлестнул меня сзади повелительный оклик.

Ай да Тези! Быстро она вошла в роль матери-царицы! Грубое слово само – собой вылетело у меня изо рта, я резко обернулся и почти столкнулся с девушкой, протягивающей мне сверток.

Карие глаза вдруг стали огромными и беспомощными, махнули бабочками мохнатые ресницы, дрогнули потрескавшиеся от жары губы. Загорелое личико, обрамленное темными прядками вьющихся волос, выбившимися из-под капюшона, на миг стало несчастным, а затем застыло в жестком равнодушии. Но этого мига мне хватило, чтобы почувствовать себя законченной сволочью. Глючный комп, каким же я был тупицей, если не сумел разглядеть под маской уверенности совсем зеленую неопытную девчонку! А ведь я еще и долгое время вообще считал ее парнем! Чувствуя, что уши загораются предательским огнем, выхватил у нее сверток и ринулся к тросу. Хорошо, что заранее натянул

перчатки с шипами, а то бы вгорячах полез с голыми руками.

Уже в корзине, бросая вниз мерзкую голову, я с раскаянием вспомнил, что слезал на песок с благим намерением предложить свою помощь. Вот уж действительно, благие намерения не всегда приводят к добру. Кен тихонько простонал "пить" и я, забыв обо всем, ринулся в угол, где Тези держала наши запасы.

А рассмотрев жалкую кучку пузырьков, помрачнел еще сильнее, Воды у нас оставалось ничтожно мало.

Бережно приподняв Кену голову приложил к его губам маленький пузырек и попытался напоить друга. Но бредивший напарник никак не мог поймать струйку языком, и драгоценные капли лились зря.

– Дай я напою, – непонятно, когда Тези успела влезть в корзину.

Глядя как ловко она поит и укладывает притихшего Кена, я с неожиданной горечью отметил, что и здесь оказался не на высоте. Может, я вообще ни на что не годен, кроме перетаскивая тяжестей?

Голова Миссе показалась над краем корзины, и низранин ловко, как обезьянка, забрался внутрь. Потянул за собой веревку, оглянулся на меня:

– Помоги.

Вместе мы подняли якорь и втянули наверх тросы, предусмотрительно отвязанные шустрым Миссе. Шар дернулся от этого маневра и медленно поплыл над пустыней. Низранин уже колдовал около термоса, пытаясь заставить шар подняться повыше. Не сразу, но это ему удалось. Получившие свежее питание бактерии начали работать интенсивнее и к вечеру мы начали понемногу удаляться от барханов. Все это время мы с Миссе дежурили у бортов, чтобы нападение новой твари не застало нас врасплох.

Вечером, мгновенно съев скудную пайку, я прилег у борта и поглядывая на худенькую фигурку Миссе, думал, как странно порой шутит над нами судьба. Еще вчера мы решали, выбросить Миссе из корзины или нет, а сегодня сражались рядом и делили поровну последние куски хлеба.

Проснулся я от жары. Было далеко не раннее утро. Тези о чем-то тихонько разговаривала с Кеном. Увидев друга хоть слабого и бледного, но живого и явно идущего на поправку, я внезапно почувствовал такую радость, какой не испытывал уже очень давно.

– Кен, Кен! – я не знал, что еще сказать, а он так светло и виновато улыбался мне, что Тези отвернувшись, стала что-то перекладывать в своем уголке.

Из подвала вылез Миссе и, увидев меня проснувшимся, деловито заявил, что сегодня можно будет сесть, потому как за бортом появились первые признаки тарсовых зарослей. Я совершенно не понимал, зачем нам нужны тарсовые заросли, но решил поверить Миссе на слово, и мы начали готовиться к посадке. Вскоре уже зашипел клапан, выпуская драгоценный водород и шар понемногу начал приближаться к барханам. Рыжие корявые кактусы, изредка торчащие из песка, оказывается, и были тарсовыми зарослями.

Миссе долго высматривал место, где кактусы растут погуще, и, наконец, скомандовал посадку. Якорь не сразу зацепился за кактусы и пришлось опуститься еще ниже. Это тоже не дало желанного результата и я предложил спуститься на веревке и привязать шар, но резко запротестовала Тези. Мы немного поспорили, пока Кен, слабым еще голосом, не заявил, что спустить нужно Миссе, а я буду его подстраховывать и в случае опасности быстро втяну в корзину. Так и поступили, и Миссе, висевшему на веревке, с первой попытки удалось набросить петлю на толстый ствол кактуса. Шар, слегка дернувшись, остановился, Миссе, подтянул якорь и зацепил его за другой кактус. Я ослабил страховку и низранин смело шагнул на песок, направляясь к очередному кактусу. И в этот момент из песка сзади него выметнулось что-то серое, гибкое и сбило охранника с ног. Веревку резко дернуло из рук, и, если бы она не была привязана к корзине, я вряд ли смог ее удержать.

Опомнившись, изо всех сил потащил Миссе наверх. Серая тварь тоже не спала. Обвив ногу низранина плотным кольцом, она тянула его вниз. Тези, ухватившись за веревку рядом со мной, пыталась помочь. Шар опустился еще ниже. Я понял, что еще немного, и мы разорвем бедного Миссе пополам. Наверное, та – же мысль пришла и Тези. Она отпустила веревку, заметалась по корзине и крикнув мне:

– Не отпускай! – полезла за борт.

– Тези! Стой! – вырвалось невольно, но худенькая фигурка уже скользила вниз по канату.

Через борт за ней тянулась страховочная веревка. Проследив взглядом откуда она идет, обнаружил Кена. Упираясь ногами в борт, он держал здоровой рукой другой конец. Но я был уверен, если тварь схватит Тези, долго ему не удержать.

Поэтому, не выпуская веревку Миссе из одной руки, другой дотянулся до клапана, выпускающего водород. Снова зашипело, веревка чуть ослабла в руке, я отпустил клапан и двумя руками потащил веревку к себе.

Шар быстро садился, и веревка пошла легко. Корзину сотряс резкий толчок, потом ее наклонило и куда-то потащило, но я, зафиксировав веревку, привязанную к низранину, уже швырнул себя через борт. Видимо, мой вес что-то значил, шар резко поднялся над песком, натянув канаты. Тварь, атакованная Тези, ослабила хватку, и неожиданный рывок шара освободил Миссе. Теперь охранник болтался в воздухе, не подавая признаков жизни.

Ринувшись к Тези на подмогу, я, наконец-то рассмотрел напавшее на него существо. Не знаю, что там было скрыто песком, а сверху это казалось обыкновенной змеёй. Правда, очень крупной. И наглой. Ни отступать, ни сдаваться она пока не собиралась. Мы били ее с двух сторон, я ножом, Тези коротким копьем, острие которого Миссе вымазал парализующим ядом туффы, добытым из открученной мною головы. Змея, молниеносно уклоняясь, отвечала хлесткими ударами тяжелой головы. Один из них вскользь пришелся мне по руке, и показалось, что меня треснули дубинкой. Низранский нож оставлял на толстой коже крошечные порезы, больше походившие на царапины, а чаще просто соскальзывал. Не лучше было и с копьем Тези. Так могло продолжаться до тех пор, пока мы не устанем отражать этот яростный натиск, а затем змея пойдет в наступление.

Отчаянно орудуя ножом, я вдруг понял, что должен сделать. Отступив на шаг, выхватил из мешочка на поясе свои рукавицы и стал торопливо натягивать. Змея, получив эту короткую передышку, всю свою ярость обратила на Тези. Повернувшись в ее сторону, гадина изменила тактику. Широко открыв рот, битком набитый короткими, острыми зубками, она пыталась ухватить Тези за руку или за копье. И в тот момент, когда она ловко поймала пастью конец копья, и с силой сжала его в челюстях, я, подступив вплотную, сверху вниз нанес первый удар раскрытой ладонью в рукавице.

Змея молниеносно обернулась ко мне, еще держа в зубах копье, вырванное этим неожиданным маневром из рук Тези. Страшная пасть разинулась, роняя оружие, но в этот момент я нанес ей прямо по глазам второй удар сверху вниз левой рукой, которая у меня, кстати, ничуть не слабее. И, не давая твари опомниться, снова правой. И снова левой. Змея не успевала отдернуть голову, как получала новый удар. Шкура висела лохмотами, липкая кровь текла по дергающемуся телу и моим рукам. Внезапно, вырвавшись из плена моих ударов, змея начала быстро втягиваться в песок.

– Ну этот фокус тебе не пройдет! – пообещал я и изо всех сил вцепился в горло врага.

Ну, или там, где оно должно быть. Гадина завертела головой, но я не разжимал рук. От этих движений иголочки рукавиц еще сильнее впивались в жесткое мясо. Змея вновь рванулась вверх и вбок и этот отчаянный рывок швырнул меня на песок. Она мотала мое тело как тряпку, липкая кровь ручейками лилась на мои лицо, руки и когда-то белый балахон. А я сдавливал изо всех сил ненавистное горло и знал, что не отпущу его, пока не почувствую, как под пальцами хрустнут позвонки.

В один глаз попал отлетевший шматок змеиной крови, и я окривел. И увидел вторым глазом, как Тези пилит ножом дергающееся тело змеи, чуть ниже того места где я намертво вцепился руками.

Змея пыталась вырваться, но Тези, обхватив ее одной рукой и прижимая к себе как родную, другой остервенело резала и что-то бормотала. Умудрившись, не отпуская змею, подняться на ноги, я попробовал крутнуть зубатую голову. Раздался противный хруст, Тези еще несколько раз ударила ножом и змея рассталась со своей головой. Но тело еще не хотело в это верить, оно потеряно качалось из стороны в сторону и вдруг стремительно втянулось в песок.

Отбросив измочаленную голову, я спросил у Тези, сдирая перчатки и обтирая лицо:

– Ты в порядке?

Она только кивнула, обессилено опускаясь на песок, но вдруг ахнула и кошкой отскочила в сторону. Я оглянулся, и невольно тоже отпрянул. Песок, в том месте, куда нырнул обрубок змеи, зашевелился, и вслед за окровавленной, облепленной песком, культяпкой шеи показалось что-то огромное.

– Беги! – крикнул я Тези, отступая спиной к шару и вновь натягивая на руку заскорузлую от крови перчатку.

А на месте битвы, выковыриваясь из песка когтистыми лапами, вылез громадный валун, и вытянув вперед длинную безголовую шею, зашагал прямо на меня. Наткнувшись на кактус, чудовище стерло его как утюгом, поскользнулось задней лапой и, слегка развернувшись, двинулось в сторону остолбеневшей Тези. Та, взвизгнув, метнулась ко мне и вцепившись в мою руку, следила за чудовищем огромными от ужаса глазами. Я и сам вначале испугался не меньше, увидев гигантскую безголовую черепаху, шлепающую по кактусам, жутко размахивая длинной окровавленной шеей. Неизвестно, какие еще сюрпризы могли скрываться под огромным панцирем.

Внимательно разглядывая песок под ногами, чтобы не наступить еще на какую-нибудь гадину, мы понемногу отступали к шару. И неожиданно среди кактусов наткнулись на безжизненно висевшего Миссе. Черт, неужели эта подлая тварь убила нашего маленького низранина?

Подтянув, его к себе расстегнул пояс и Миссе упал мне в руки, а шар немедленно рванулся вверх, струной натянув тросики. Как выяснилось, это было не лучшее решение. За спиной охнула Тези, услышав словцо, которым я в сердцах наградил свои неосмотрительные действия.

Ругнулся еще раз, про себя, и огляделся, прикидывая, куда положить Миссе. Черепаха еще топала неподалеку, постепенно снижая темп и беспорядочно разворачиваясь, но, похоже, опасности больше не представляла. Сломанные ею кактусы сочились желтоватым соком, сморщиваясь на глазах. Тези, уже забыв про осторожность, смешно подпрыгивала, пытаясь достать до пояса Миссе.

– А где твоя веревка? – мой вопрос почему-то смутил её.

– Я ее отвязала, чтоб не мешала драться, – виновато отводя глаза, призналась Тези.

– Эй, ребята держите конец! – внезапно прямо над нами раздался голос Кена.

Мы разом посмотрели наверх. Веревка, опущенная Кеном, болталась на расстоянии вытянутой руки. Несколько минут понадобилось мне, чтоб переправить в корзину Тези и Миссе. Шар снова опустился, и я, надежно закрепив якорь и тросы, присоединился к друзьям.

Печальное зрелище представляла собой в этот момент наша компания. Безжизненное тельце низранина без балахона оказалось неимоверно худым и тщедушным, растиравшая его Тези, была грязна и измучена, Кен бледен и озабочен. Я так устал, что казалось и рукой не смогу больше пошевелить. Не обращая внимания на кровь и грязь, покрывавшие меня с головы до ног, прилег в уголок и закрыл глаза.

Зачем мы умыкали этот проклятый шар, если не можем ни ориентироваться, ни выживать в этой полной хищников пустыне? Скорее всего, мы все погибнем, и виноват в этом я, потому что идея украсть шар пришла именно ко мне. И вообще, смешно называть шаром уродливое угловатое сооружение, сшитое из кусков любимой низранами термопленки, с болтающейся под ним неказистой корзиной, сплетенной из жидких прутиков.

– Арт, Арт! Проснись! – голос Тези пробился сквозь жару и головную боль.

Неужели я уснул?

– Что случилось? – с трудом открыв глаза я нехотя сел.

– На, пей! – Тези протянула мутноватую бутылку.

Машинально сделав несколько глотков, неожиданно ощутил себя почти в раю. Приятный, чуть кисловатый вкус питья мгновенно развеял остатки тяжелого сна, освежил и придал бодрости. Я жадно припал к горлышку, делая еще несколько щедрых глотков, и вдруг меня, как кинжал пронзило страшное подозрение.

– Тези, ты, что отдала мне всю воду? – уставился на девчонку с негодованием.

И вновь увидел, как вспыхнули от обиды и стали огромными карие глаза. И тотчас, оскорблено поджав губы, Тези резко отвернулась и полезла за борт.

– У нас теперь много воды, Арт! – Укоризненно объявил мне Кен, показывая на шеренгу бутылочек, наполненных желтоватой жидкостью.

– Откуда? – я ничего не понимал, но начинал с досадой догадываться, что опять обидел девчонку незаслуженно.

– Тарсовые заросли поделились, – Кен выглядел на удивление бодрым и поздоровевшим. – Вставай Арт, нужно помочь Миссе.

Что значит, помочь Миссе? Он ведь умирает? Невольно посмотрел в тот уголок, где недавно лежало детское тельце низранина. Однако его место пустовало, а шепелявый голосок Миссе, что-то деловито объяснявшего Тези теперь доносился снаружи.

Похоже, снова проспал все самое интересное, вскакивая, огорченно признал я. Миссе обнаружился сразу, стоило выглянуть за борт. Он стоял в гуще кактусов, и, ловко орудуя ножом, срезал колючки с толстой ветки. Потом одним ударом ножа отсек ветку и резко перевернул ее. Получился сосуд, полный тарсового сока. Миссе сдавил его сверху и немного подержал. Края плотно затянулись и вскоре из сосуда перестали сочиться капли сока.

В очередной раз порадовавшись, что мне не удалось скинуть Миссе над площадью, присоединился к спутникам и принялся рубить ближайший кактус. Несколько иголок воткнулись в мои руки, прежде чем я научился добывать сок так же ловко как низранин. Но царапины меня ничуть не огорчали, впервые за последние месяцы можно было пить, сколько хочешь. И даже умыться.

Ловко работавший рядом Миссе, успел между делом рассказать мне о событиях последних часов. Как выяснилось, он очнулся почти сразу после того, как я ввалился в корзину. Чудотворное действие произвели несколько глотков воды, влитых в него Тези. Оказывается, знавший о мизерности наших запасов Миссе намеренно не пил выдаваемую ему воду, пряча бутылочки на черный день. Потому-то и был так слаб, что от удара черепахи упал без сознания.

Кстати, черепаху нужно отыскать, так как в ней должны быть яйца.

Яйца, охнул я про себя, мигом представив себе горку белых, чуть продолговатых шариков, прячущих внутри оранжевый желток.

– Так идем быстрее, Миссе! Я, наверное, тысячу лет не ел яиц, даже вкус их уже позабыл.

Черепаху мы нашли под кучей переломанных кактусов через десяток метров от места битвы. Вытащить громадину из колючих обломков смог бы разве кран средних размеров, поэтому нам пришлось разгребать колючий завал, пока Миссе не добрался до того места, где, по его мнению, должны были находиться яйца. Когда низранин, встав на колени, сунул руку куда-то внутрь панциря, я непроизвольно схватился за нож. Кто знает что еще может выкинуть тварь, полчаса бегавшая без головы? Но Миссе, довольно улыбаясь, положил мне на ладонь первое яйцо.

Мягко говоря, я представлял себе его несколько иначе. Этот тугой серый кожистый мешочек был совершенно не похож на то, из чего я когда-то делал яичницу. А Миссе подавал их одно за другим и вскоре пола моего грязного балахона, куда я складывал яйца, напоминала один из мешочков Риссеу. Интересно, а как он-то воспринял наш самовольный отлет?

Мои мысли перебил голос Тези. Она не видела нас из-за кактусов и уже начинала беспокоиться. Я отнес ей первую партию яиц и счастливое изумление, которое появилось у нее на личике при виде этого продуктового изобилия, воспринял как медаль за заслуги перед родиной. Мне пришлось носить яйца еще несколько раз, и под конец я начал даже подумывать о том, что их могло бы быть и немного поменьше.

На обед Тези выдала всем по яйцу с кусочком хайки. Никогда раньше я не ел яйца с таким удовольствием. Я бы съел еще не одно яйцо, но Тези заявила, что с непривычки будет плохо, и я согласился подождать пару часов. После обеда Тези сообщила, что собирается помыться и предлагает нам сделать то же самое, а потом она постирает наши балахоны. Я представил себе эту процедуру, и наотрез отказался. Как впрочем, и Кен. Дело в том, что наше белье без стирки и купанья давно превратилось в такое рванье, что нам пришлось его выбросить и, кроме балахонов, на нас ничего не было. Но Тези оказалась на удивление упрямой. Она объявила, что никуда не полетит с вонючими грязнулями и, позвав Миссе, чтоб он помог ей нарезать кактусов, выбралась из корзины.

– Ну? – вопросительно смотрел я на Кена.

– Что ну? – огрызнулся он.

– Придумай что-нибудь!

– И так думаю! Но что тут придумаешь, если у нас ни кусочка тряпки нет в запасе!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chirkova_vera/ubit-v-sebe-zverya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить